

Виталий Игнатенко

Со мной и без меня

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И 26

Игнатенко, Виталий Никитич.

И 26 Со мной и без меня / Виталий Игнатенко. – Москва :
Издательство АСТ, 2017 – 448 с.
ISBN 978-5-17-099887-6

Виталий Игнатенко стал очевидцем и участником действительно уникальных событий в нашей стране. О своей жизни, своих соратниках и противниках рассказывает Виталий Игнатенко на страницах книги «Со мной и без меня»

«Они вошли в кабинет генерального директора ТАСС и приказали мне: «Передайте сообщение: «Режим Ельцина низложен...»

«Парнишка предложил мне бросить металлический рубль на большую глубину. «Когда достану, купите мне мороженое, идет?» Я оторопел. В наше время этот фокус знали все мальчишки от Батуми до Одессы...»

«Через какое-то время мне позвонил Михаил Сергеевич: «Что ты там наговорил? Я ведь даже еще не читал Солженицына, не знаю, о чем речь. А ты уже... Как же так можно!!!» Сердце, мое, конечно, ёкнуло, но я не чувствовал провала...»

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-099887-6

© Игнатенко, В. Н., текст, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

В Москве представлена книга Виталия Игнатенко «Со мной и без меня»

В российском информационном агентстве ТАСС состоялась пресс-конференция по случаю выхода в свет книги Виталия Игнатенко «Со мной и без меня».

В презентации принимали участие руководители ряда ведущих российских средств массовой информации, видные общественные и политические деятели, известные журналисты.

Один из героев книги, посол Азербайджана в России Полад Бюльбюльоглу, выступая на пресс-конференции, рассказал об истории знакомства с автором: «Мы познакомились в середине 1960-х годов и дружим все эти годы. Счастье, что мы смогли пронести через всю жизнь трепетное отношение друг к другу». Посол отметил, что как все представители поколения 1960-х Виталий Игнатенко пережил две эпохи: «Это был Советский Союз – со своей идеологией, жестким режимом, где Виталий Никитич занимал очень высокие позиции. Сменилась эпоха, сменилась идеология, но талантливый человек талантлив во всем. И в новой суверенной России Виталий Никитич занял достойные его личности места».

П.Бюльбюльоглу подчеркнул, что Виталия Игнатенко уважают и любят в Азербайджане: «От нынешнего Президента Ильхама Алиева до простых людей в Азербайджане многие очень уважают и любят Виталия Никитича. Его лично знал и ценил общенациональный лидер Гейдар Алиев».

Выступившие на пресс-конференции генеральный директор ТАСС Владимир Михайлов, первый заместитель гендиректора ТАСС Михаил Гусман, генеральный директор Первого канала России Константин Эрнст, депутат Государственной Думы РФ Леонид Слуцкий и другие рассказали о годах совместной работы и дружбы с автором.

Виталий Игнатенко поблагодарил за добрые слова и отметил, что в своей книге он рассказывает о людях, которые его окружали с детства: «И я понимал, что нельзя кривить душой, нельзя оступитья, поскольку рядом с тобой твои друзья, соратники, коллеги. Эти люди во всех изломах, изменениях истории никогда не теряли себя. В этой книге нет отрицательных людей. По моему пониманию, жизнь творят добрые люди, и эта книга о них».

Виталий Игнатенко более десяти лет проработал в «Комсомольской правде», возглавлял пресс-службу президента СССР, был заместителем председателя Правительства РФ. После ухода с поста генерального директора ТАСС стал членом Совета Федерации РФ. За особые заслуги в укреплении сотрудничества в информационной сфере и связей между Азербайджаном и Россией Распоряжением Президента Ильхама Алиева Виталий Игнатенко был награжден орденом «Достлуг».

АЗЕРТАДЖ

Сочи — Москва, далее везде

Текст: Валерий Выжutowич

Российская газета — Федеральный выпуск №7122 (254)

Виталий Игнатенко совершил путешествие по маршруту воспоминаний

Книга Виталия Игнатенко «Со мной и без меня» (М.: АСТ, 2016) удивила уже самим фактом ее написания. Пять лет назад автор этих строк задал вопрос тогдашнему гендиректору ТАСС, ныне автору вышеназванной книги: «Долгое время пребывая рядом с большой властью, а иногда и в ней самой, вы видели много такого, что закрыто для постороннего взгляда. Не возникало соблазна заняться мемуарами?» — «Нет. Я к мемуарам отношусь осторожно. В чем особенность этого жанра? В том, что автор вольно или невольно хочет казаться чуть выше, умнее, проницательнее тех, о ком рассказывает. Я себе этого позволить не могу».

Фото: Специальный прощальный выпуск «Комсомолки»

И вот намерения изменились. В том ли причина, что был одолен 75-летний рубеж и захотелось подвести некоторые итоги. Или в том, что Игнатенко завершил государственную службу, пребывание на которой велит скромно помалкивать о времени и о себе: непрошенные воспоминания подчас укорачивают карьеру. А карьеру Игнатенко сделал феноменальную. Этапы пути, пройденного автором книги, для наглядности просто вынесены на обложку: «Сочинский школьник, студент МГУ, журналист «Комсомольской правды», сотрудник ЦК КПСС, главный редактор журнала «Новое время», пресс-секретарь М.С. Горбачева, вице-премьер правительства России, генеральный директор ТАСС, сенатор».

Жанр своего сочинения Игнатенко определяет сдержанно, без замаха на эпохальность: «биографические заметки».

И обещает «вспомнить наиболее существенное и честно передать прошедшее перед глазами, запавшее в душу». «Но отдаю себе отчет, — пишет он, — что для читателя важно не только то, что было со мной, при мне, вокруг меня, но и то, что случилось до меня, без меня, после меня. По-моему, только соединив таким путем субъективное и объективное, документалист способен воссоздать реальную, широкую, в убедительных подробностях картину минувшего».

Соединить субъективное и объективное автору помогают его герои, отобранные по прихоти памяти, а не по расчету. Оттого-то книга так густо и пестро населена. В ней смотритель сочинского маяка делит «жилплощадь» с Папой Римским, а журналисты «Комсомолки» 60–70-х годов помещаются под одной обложкой с обитателями африканских джунглей в освобожденных партизанами районах Гвинеи-Бисау.

Любители пряных «подробностей» будут жестоко разочарованы. О своем нежелании потрафить им автор уведомил на первых же страницах

Если бы автор снабдил свою книгу именным указателем, она бы располнела на добрый десяток страниц. Журналисты Рост и Голованов, скульптор Неизвестный, редакторы Панкин и Воронов, Патриарх Алексей II, писатель Жванецкий, премьер-министр КНР Ли Пэн, официант Егоров, адмирал Куделькин, доктор Соколов, саксофонист Агеенко, президент ЮАР Фредерик де Клерк, летчик Елян, генсек Брежнев, президенты Горбачев, Ельцин, Путин... Здесь и друзья Игнатенко, и персонажи его газетных репортажей, и те, с кем сводила госслужба.

Самые проникновенные страницы книги — о городе, «где море Черное, песок и пляж». «Вижу себя старшеклассником в легкой лодке знакомого рыбака. Послушные весла вынесли меня с полудня уже далеко от берега. Теперь он темнеет в вечерней дымке. Его можно бы назвать лазурным». Или вот:

«В моем городе навсегда поселилась песенная мелодия — широкая, оптимистичная, жизнеутверждающая. Может быть, это шло от легендарного фильма «Веселые ребята», что снимался рядом, в Гагре... То, что Дунаевский, Утесов звучали из каждого открытого окна по праздникам, да и по будням, помнят все горожане... Притом и мы могли воочию наслаждаться искусством своих кумиров. Для этих целей всегда годились вечнозеленые насаждения, а точнее, кипарисы, что росли вокруг Летнего театра городского парка имени Фрунзе... И какое это было наслаждение — концерты джазов Леонида Утесова, Эдди Рознера, Александра Блехмана... Господи, до сих пор помню!»

Таких строк, лирических, легких, искрометных, в книге целая россыпь. Здесь в авторе беспечно дремлет внутренний редактор. Он проснется, когда в повествовании возникнут имена руководителей страны, когда пойдет рассказ о памятных и неоднозначно сегодня трактуемых событиях политической и общественной жизни, — событиях, которые Виталий Игнатенко наблюдал с близкого расстояния, а то и участвовал в них.

«Толпа кричит: давай подробности! Вот они. Анатолий Аграновский («Известия»), Аркадий Сахнин (писатель), Виктор Дюнин («Коммунист»), Виталий Ганюшкин («Правда»), Владимир Губарев («Комсомольская правда»), Александр Мурзин («Правда») выполнили поручение отнюдь не из-под палки». Это, если кто не знает, об ответственном партийном поручении «помочь» Брежневу написать воспоминания. От ЦК КПСС работу коллектива авторов курировал Игнатенко. За мемуарную трилогию генсек получил Ленинскую премию по литературе. Ленинской премией ранее был отмечен и сам Игнатенко — за сценарий созданного к юбилею Леонида Ильича документального фильма «Повесть о коммунисте». «Для меня это все (присуждение премии. — В.В.) было так неожиданно, до некоторой неловкости». Судя по тональности этой главы (она так и названа — «Ленинские

премии»), чувство «некоторой неловкости» до сих пор не покидает лауреата.

Значительное место в книге отведено кремлевскому периоду, когда Игнатенко был пресс-секретарем президента СССР. Для рассказа здесь взято самое острое и драматичное. Например, то, как Горбачев реагировал на события в Вильнюсе. Как был он «взволнован и раздосадован». Как ближайшее окружение (в него входил и пресс-секретарь) пыталось уговорить президента «съездить в Вильнюс, возложить венок, выступить там в Верховном Совете, пойти в коллективы, к военным и т.д.». И как Горбачев сопротивлялся этому. «Мы все считали, что Михаил Сергеевич должен немедленно вмешаться в ход событий, всех виновных в кровопролитии отстранить от службы и строго наказать. Но утром мы поняли, что события будут развиваться не по этому сценарию... И я впервые решил уйти из Кремля».

Другой драматичнейший эпизод — август-1991 — описан с той же личной погруженностью в «материал». В то утро, когда показали «Лебединое озеро», Игнатенко находился на своей малой родине, имея намерение «захватить кусочек бархатного сезона у Черного моря». Здесь опять любопытны подробности. «Связываюсь со спецкоммутатором. Конечно, там знают мой голос, много раз слышали. Попросил, чтобы меня соединили с Михаилом Сергеевичем. Оказывается, с ним нет связи. «Тогда с Черняевым». Тоже нет связи. «С Шахназаровым» — нет связи. «С Яковлевым» — нет связи. Я кинулся в аэропорт и выяснил, что никаких билетов ни на какой московский рейс нет. Это для меня, для помощника президента, для сочинца, которого все авиакассиры знают, нет билета! Здесь что-то не так».

В аннотации сказано: «Виталий Игнатенко стал очевидцем и участником действительно уникальных событий в нашей стране». Профессия автора, однако, не названа. Хотя это во-

прос не праздный. Одно дело вольные воспоминания журналиста, другое — тщательно процеженные самоцензурой мемуары соратника государственных лиц. Будучи одновременно тем и другим (даже в должности заместителя заведующего отделом международной информации ЦК КПСС и во главе пресс-службы президента СССР он работал по профилю), Игнатенко в своей книге временами балансирует на грани. Чувствуешь, как в нем то побеждает осмотрительный бывший царедворец, то верх берет азартный репортер.

Консерваторы станут ругать книгу за отсутствие критики в адрес перестройки и «лихих» 90-х, либералы — за экономию похвальных слов в тот же адрес

Журналисты не любят чиновников. Особенно чиновников, выбившихся в большие люди из журналистов. На Игнатенко эта «классовая» неприязнь никогда не распространялась. Занимая 22 года и 22 дня номенклатурную должность генерального директора ТАСС, он непостижимым образом оставался своим для журналистского цеха. Своим он был для журналистов и на посту курирующего СМИ вице-премьера, представляя не правительство в прессе, а прессу в правительстве. О том, как наводил мосты между властью и медийным сообществом, как вызволял региональные издания из удушающих объятий свободного рынка, а похищенных трех корреспондентов «Радио России» и сотрудника ТАСС — из чеченского плена, — обо всем этом Игнатенко рассказывает ярко и взволнованно. Именно как журналист.

В кругу людей, долгие годы наблюдавших вблизи рабочую повседневность президентов, премьеров, королевских особ, сочинять мемуары не принято. Законодательных или иных официальных запретов на сей счет нигде в мире не существует. Просто не принято и все. А те из приближенных, кто решаются взяться за мемуарную прозу, как правило, дают себе зарок писать правду, одну только правду — но не всю.

Воспоминания Виталия Игнатенко — тот самый случай. Любители пряных «подробностей» будут жестоко разочарованы. О своем нежелании потрафить им автор уведомил на первых же страницах: «Я имел привилегию быть в нескольких командах, которые возглавляли перемены в стране. Работал рядом с людьми великого ума, неповторимыми личностями. Они виделись мне сильными, мудрыми, порядочными. Но порой — живые же люди! — я находил их в минуты растерянности, слабости, неуверенности... И что: рука — к перу, перо к бумаге... Сколько лет мне доверяли! А я пройдусь чистильщиком по чужим судьбам. Нет, увольте».

Книга «Со мной и без меня» не устроит ни консерваторов, ни либералов. Консерваторы станут ругать ее за отсутствие оголтелой критики в адрес перестройки и «лихих» 90-х, за излишне щадящее изображение Горбачева и Ельцина. Либералы — за неоправданную экономию похвальных слов в тот же адрес. Для тех и для других, как и для многих в России, относительно давнее и недавнее прошлое страны — все еще не история. Оно для большинства — часть протяженной на несколько десятилетий современности, в которой не затихают споры о роли тех или иных личностей, об оценке тех или иных событий и эпох. И в этом смысле биографические заметки человека, начавшего сногсшибательную карьеру при Брежневе и закончившего при Путине, только добавляют масла в огонь.

Из книги Виталия Игнатенко «Со мной и без меня»

Цена четырех слов

...3 октября 1993 года в Москве стояло погожее воскресенье. Я был в гостях на загородной даче. Но к отдыху многое совсем не располагало.

Не могло не тревожить резкое обострение тянувшегося уже несколько недель противостояния двух ветвей власти — исполнительной в лице президента России Бориса Ельцина

и законодательной — Верховного Совета РСФСР, возглавляемого Русланом Хасбулатовым...

С полуночи мой телефон не умолкал. Друзья, которым я полностью доверял, сообщали о готовящейся схватке за власть, которая неизвестно чем может обернуться. Особенно насторожила весть, что вокруг здания ТАСС стали появляться какие-то типы с оружием.

Какой здесь воскресный отдых... Надо было срочно возвращаться на работу. Надеялся на свой скромный зелененький «Мерседес». Нашему корреспонденту в ФРГ он показался уставшим. Его перегнали в Москву, и мне он пришлось в самый раз. Я сам давно водил машину. Утром сразу же сел за руль и покинул гостеприимное Переделкино. Когда въехал в Москву, поразился уличному оживлению. Явно что-то происходило. А рядом с гостиницей «Украина» у моста через Москву-реку все было просто запружено людьми. На моем «Мерседесе» были правительственные номера, но меня все равно остановили и запретили дальнейшее движение в сторону Арбата.

Когда я на шоферском сиденье обдумывал маршрут объезда, к машине подошел какой-то командовавший пропуском парень и, попыхивая свежим водочным перегаром, спросил: «Ты кого возишь?». Я, мгновенно выбрав роль, отвечаю: «Генерального директора ТАСС». Он: «А где этот генеральный директор?» Я: «Ну... сбежал». Он: «Вот! А ты куда едешь?» — «Еду машину на место поставить». И меня пропустили. Кто здесь мог подумать, что сам директор за рулем? Я примчал на Большую Никитскую, загнал машину во двор и направился к центральному входу нашего «дома под глобусом». И тут обнаружил неладное: за мной следом протиснулись разномодно одетые люди с автоматами. Нашей вневедомственной охраны на посту уже не было...

Мне передали, что в здание агентства проникли 12—15 вооруженных. Они все вооружены, очень серьезно настроены.

В этом я быстро убедился. Без всякого разрешения какие-то офицеры ворвались в мой кабинет. Мне показалось, что они были полупьяные, по крайней мере развязные до предела. Чуть ли не тыча мне в живот автоматами, они предъявили несколько бумаг с печатями. Первый документ гласил, что я уволен, второй — что ТАСС теперь будет выполнять команды «Белого дома» под руководством нового назначенца (фамилию не запомнил). Третий документ был, как заявили офицеры, самый важный: мы должны немедленно опубликовать сообщение: «Режим Ельцина низвергнут. ТАСС». От нас потребовали срочно передать эти четыре слова, эту одну строку в эфир. И этой строке все бы поверили. Официозность ТАСС не подлежала сомнению...

Четыре слова были рассчитаны на эффект как внутри страны, так и за рубежом. Выпускать такую телеграмму нельзя было ни при каких условиях. Естественно, я отказался подчиниться. Они: «Решение окончательно?» Я: «Окончательное». — «Ваше?» — «Мое» — «Но, может быть, у коллегии агентства другое мнение!» Забегали по этажам, собирая членов коллегии в мой кабинет. Коллегия собралась почти в полном составе. Я был уверен в каждом из товарищей, с которыми к той поре проработал уже длительное время. И действительно, все поддержали мой отказ. И вообще во всем агентстве не нашлось ни одного человека, который согласился бы передать принесенное захватчиками сообщение в эфир. Все встали на мою сторону и сказали, что делать ничего не будут.

А без нас передать в эфир и полстроки невозможно. Были у ТАСС некоторые хитрости, без знания которых агентство превращалось в молчуна.

Дядька, пришедший с указом Руцкого о назначении его на должность генерального, сел на мое место, покрутился на моем служебном кресле, но сделать ничего не мог. Уговоры

и мои отказы продолжались долго. Правда, меня, зазевавшись, выпускали из кабинета...

Я так понял, что везде уже известно, в каком мы положении, что все переживают за нашу судьбу. Поддержка была очень важна для нас. По нашим окнам уже начали стрелять. Стреляли кучно. И я тогда собрал женщин, которые у нас работали переводчицами, и разместил их у себя в комнате отдыха. Она была без окон, и в ней люди были в полной безопасности. Сам я стал ради той же безопасности работать на полу, телефоны поставил на ковер.

Оторвавшись от непрошенных гостей, начал звонить в разные высокие инстанции большим начальникам из кабинета заместителя. Многие, судя по их реакции, были в растерянности, одни буквально лепетали что-то нечленораздельное, другие, не задумываясь, чеканили, что ничем помочь не могут. И эти работники отвечали за государственную безопасность! Неожиданно, глубокой ночью, трубку взял Виктор Степанович Черномырдин.

Он очень твердо сказал мне: «Через полчаса у тебя будет спецназ. Через полчаса». И сдержал слово. Довольно скоро на углу Суворовского бульвара и Большой Никитской появились вооруженные люди в защитных, как у мотоциклистов, шлемах...

Человек «Нового времени»

Комментарий Виктора Лошака к воспоминаниям Виталия Игнатенко

21.11.2016

«Со мной и без меня» — книга мемуаров Виталия Игнатенко, журналиста, полвека, при всех вождях и обстоятельствах, оказывавшегося на самых главных политических перекрестках страны

Игнатенко — человек веселый и легкий. Через полчаса в любой компании он — главный рассказчик и тамада. И вместе с тем у его открытости есть очевидная граница. Без осторожности, политической и интуитивной, он никогда бы не пробыл столько лет во власти. В мемуарах с заголовком «Со мной и без меня» нет ни одного отрицательного героя, названного по имени. «Я с самого начала,— пишет он,— решил пожить хотя бы в воспоминаниях в светлом мире друзей и соратников, определявших ход страны в новейшую историю. Поминать пофамильно любителей оставлять кляксы на чистых страницах — много для них чести...»

Я многие годы думал, что неписание мемуаров — это и есть часть самосохранения Виталия Никитича. В кругу его друзей вопрос о том, а не пора ли, возникал многократно. Он отшучивался и не обещал. Говорят же: «Не было бы счастья, так несчастье помогло», мемуары Игнатенко продиктовал, мне кажется, чтобы сбежать от безделья, когда закончились его 22 года и 22 дня работы во главе ТАСС.

Мемуары, конечно, может написать любой, но стоит это делать единицам. И среди этих единиц Игнатенко — один из первых. Редкий человек так связал время своей судьбой! Сочинец, сын «красного кавалериста» и учительницы стал звездой «Комсомолки», в 30 с небольшим попал в ЦК КПСС, был соавтором

мемуаров Брежнева, позже пресс-секретарем Михаила Горбачева, вице-премьером при Ельцине и главой ТАСС при Путине...

А книгу посвятил жене Светлане Алексеевне. Никто бы не удивился, если бы он и написал ее только о ней, такие трогательные отношения вот уже почти 50 лет связывают этих людей. Сейчас уже Игнатенко с юмором вспоминает, как напряглись на бюро ЦК ВЛКСМ при утверждении его на очередную должность, когда из анкеты стало ясно, что его супруга — манекенщица. «Все испытания по жизни мы прошли вместе с того дня, когда Светлана в метро «Новослободская» неожиданно сказала «Давай поженимся! Мы будем счастливы всегда». Знакомы мы были всего неделю. Я как идиот, наверное, решил показать свое серьезное отношение к браку и потому брякнул: «Я подумаю». С ужасом вспоминаю, как я погорячился. Слава богу, думал я недолго. Пару минут».

На всех своих важных должностях Игнатенко, конечно, был прежде всего журналистом — человеком, хорошо понимающим, как возникает магия связи с читающими. Успех журнала «Новое время», который он редактировал в конце 1980-х, был этому свидетельством.

Лучшие страницы книги посвящены людям, с которыми Игнатенко был рядом, записывал подробности в дневник. Здесь много юмора, бытовых деталей. Как за обедом в Крыму Михаил Сергеевич Горбачев уговорил его стать своим пресс-секретарем и как Раиса Максимовна тактично выходила, когда мужчины начинали говорить о серьезном. Кстати, до Игнатенко никаких пресс-секретарей наша власть не знала. Чувствуется, что, рассказывая о Горбачеве в самые сложные для президента СССР дни, Игнатенко находится в полемике с его критиками. Описанный им Михаил Сергеевич — живой, настоящий, смелый и драматический.

Между собой главные редакторы российских газет и журналов часто говорили о том, что останься Игнатенко вице-